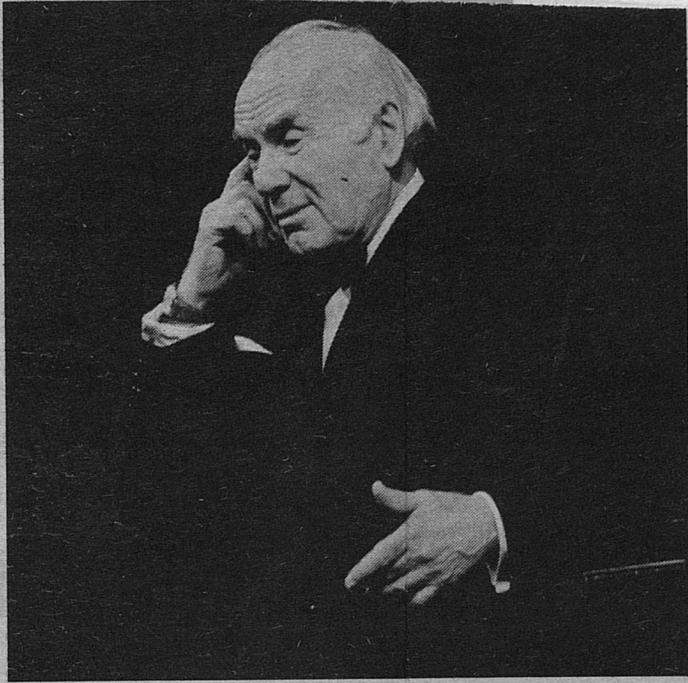

15 ИЮН 1980

«НИКОГДА НИЧЕГО НЕ ДЕЛАТЬ ПРОТИВ СОВЕСТИ В ИСКУССТВЕ»

В Риге с огромным успехом проходят гастроли Государственного орден Ленина и ордена Октябрьской Революции академического Малого театра Союза ССР. Коллектив этого старейшего театра, история которого насчитывает более 150 лет, верен и сегодня традициям, заложенным Щепкиным и Мочаловым, Садовским и Ленским, верен правилу — активно участвовать в жизни народа, поднимать сложнейшие проблемы социальных отношений и человеческих чувств. Главная задача, которую ставят перед собой артисты и режиссеры Малого театра, — приобщать зрителей к подлинно художественным ценностям.

Особое место в современном репертуаре занимает спектакль «Возвращение на круги своя» по пьесе И. Друцэ. Это один из первых опытов создания на сцене образа Льва Николаевича Толстого. Постановка была осуществлена народным артистом СССР Б. Равенских к 150-летию со дня рождения великого писателя. В главной роли — народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии **И. В. Ильинский**. Вот что он рассказывает о работе над образом Л. Н. Толстого:

— Это очень трудная роль. Создавая образ великого писателя, ничего нельзя делать искусственно. Ведь показать в Толстом только внешнее величие, назидательность, грандиозность его фигуры недостаточно. Важна в нем и простота. Он был в действительности велик, и назидательность у него была подлинная, истинная. Самое трудное было в процессе работы над спектаклем определить и отбросить чуждое образу. К примеру, плохая походка сразу все испортит, это уже будет не Толстой. Все это требовало больших раздумий. Ну, скажем, как мог сердиться Л. Н. Толстой? Что, в нем не могло быть гнева? Конечно, был. Но это был именно гнев, а не брюзжание старика. В гениальной простоте величье образа Толстого. И главной нашей задачей было найти в образе ту простоту, которая и является великой.

— **Игорь Владимирович**, как вам удается создавать такие противоположные образы — от сатирических и комических до, скажем, столь философски сложного образа, как Л. Н. Толстой в пьесе «Возвращение на круги своя»?

— Это объяснить трудно. Актер, я имею в виду настоящего, большого актера, актера-художника, должен говорить со зрителем по душам, делиться с ним своими мыслями, наблюдениями. И если актера комического интересует и волнует судьба, предположим, короля Лира, почему бы ему не сыграть эту роль? Так началось и у меня. Надо сказать, что эпи-

графом к моему творчеству могут служить слова одного из первых моих учителей В. Г. Сахновского, руководителя Художественного театра после смерти К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, которые он написал на подаренной мне фотографии: «Никогда ничего не делать против совести в искусстве». Великолепная мысль. Она должна, по-моему, стать заповедью для каждого актера. Так вот, у В. Г. Сахновского я играл Тихона в «Грозе». Тогда-то (а мне в то время было 20 лет) я и обнаружил в себе драматические способности. Потом, когда читал со сцены «Детство» и «Отрочество» Л. Н. Толстого, чеховские рассказы, например, «Горе» и «Душечку», они проявились во мне сильнее. Особенно мне нравится читать «Душечку». Этот рассказ я читал по-своему, без элементов комизма, мне даже мешало, когда публика воспринимала со смехом превращения героини из жены антрепренера в жену лесозаводчика и т. д. Чьей бы женой Душечка ни была, она жила интересами мужа, и это как раз смешило. Я же это воспринимал всегда как силу ее любви. Позже я узнал, что Л. Н. Толстой, который для меня, как и для любого человека, является величайшим писателем мира, сказал: «Чехов хотел посмеяться над Душечкой, но бог поэзии не разрешил ему этого».

— **Вы — патриарх советского театра. Вы видели советский театр на его заре, в период романтично-революционного взлета. Вы хорошо знаете наш театр сегодняшнего дня. Что вы можете сказать о его традициях и творческих тенденциях? Каким бы вы хотели видеть театр будущего?**

— Достоинств у сегодняшнего советского театра множество. И главное из них — его подлинная народность. Радует, что появилось много молодежных студий и театров.

Вспомним, какую важную роль сыграли в истории советского театра первая, вторая и третья студии МХАТа. Из них, по существу, вышли новые актеры и новые эпохи каждого из театров. Вторая студия Художественного театра дала нам таких актеров, как М. М. Яншин, Н. П. Хмелев, К. Н. Еланская, и многих других. Одним словом, Художественный театр вырос из этого дитяти. Но, кроме того, была и еще одна студия — вахтанговский театр. А потом появились и «внуки» — студия Н. П. Хмелева, Р. Н. Симонова. Они также, на мой взгляд, сыграли большую роль в истории советского театра.

Сейчас в Москве есть молодежные студии. Это, в частности, театр-студия В. С. Спесивцева, очень своеобразная, по-моему. Есть инте-

ресные спектакли в «Современнике» у О. Табакова. Словом, за будущее советского театра можно быть спокойным.

Однако не могу не сказать о том, что меня волнует. На мой взгляд, и Художественный, и Малый театры ведут работу с молодежью недостаточно мудро. Да, есть в обоих знаменитых театрах свои хорошие студии. Однако молодежь всегда, и это я знаю по себе, стремится играть на большой сцене рядом с большими актерами. Это — настоящая учеба. И вот как раз здесь дела обстоят не совсем благополучно.

Мне бы хотелось, чтобы в театрах больше внимания уделялось работе над повышением актерского мастерства. По-моему, у большинства молодых актеров не хватает пыла, темперамента, отдачи. И поэтому молодежные театры главным образом — все же режиссерские. А я верю, что самый лучший театр — театр актера. И недаром В. Э. Мейерхольд свой театр назвал театром актера. Его задача состояла в воспитании нового актерского, как, впрочем, и режиссерского, поколения. Его режиссерскую школу прошли С. М. Эйзенштейн, и С. И. Юткевич, и Б. И. Равенских, и Л. В. Варпаховский...

— **Игорь Владимирович**, не кажется ли вам, что в последнее время у некоторых молодых актеров ослабло внимание к художественному слову, к технике сценической речи, движения?

— Развитием всех этих элементов с молодежью занимаются, однако нет в этой работе синхронности, если можно так сказать. Я считаю, что техника движения и речи должна сочетаться с техникой внутренней, с внутренним багажом актера. В этом случае возникает столь необходимое для сцены единство формы и содержания. Тогда это звучит, увлекает, волнует. Я за условность в театре, но за ту, которая работает на идею спектакля, а не только на режиссера, на его оригинальность. А так порой происходило и происходит. Подобное случалось даже у Охлопкова, режиссера, с моей точки зрения, мощного, впитавшего лучшие традиции нашего театра, который работал с мхатовцами, был учеником В. Э. Мейерхольда. Приведу один из примеров ненужного формализма, псевдонаторства в его творчестве. В «Аристократах» у него была сцена, когда рабочие брали большой ковер и колыхали его, изображая морские волны. Можно было бы сказать: какое оригинальное решение! Но ведь это абсолютно не помогало, а даже мешало восприятию. Мне кажется, такие выдумки не нужны. Я за ту условность, которая усиливает воздействие на зрителя. Это совсем не зна-

чит, что, скажем, лес должен быть представлен на сцене натуралистически. Я за то, чтобы декорации создавали настроение, чтобы они работали на пьесу.

— **Какое место в вашем творчестве занимает работа в кино и на телевидении?**

— Я остановлюсь на моей работе на телевидении (в кино у меня были более мелкие вещи). Телевидение, как и кино, правда, в большей степени, является удивительным самоучителем. С экрана телевизора ты можешь увидеть свои ошибки, невольно становишься саморежиссером. Я очень благодарен телевидению и считаю, что здесь наиболее выпукло видны нюансы режиссерского и актерского труда. Правда, хочу отметить, что телефильмы с моим участием, такие, как «Власть тьмы» и «Возвращение на круги своя», получились не так, как хотелось бы. В театре постановки оказались лучше. У телевидения есть все же свои секреты...

— **Игорь Владимирович**, вы не впервые в Риге...

— Верно. Я далеко не в первый раз в Риге. В 1926 году я здесь познакомился с замечательным режиссером Э. Смильгисом, бывал в его театре. После войны приходилось играть на рижской сцене. А если быть абсолютно точным — впервые в Риге я был еще мальчишкой в 1905 году.

Особую ответственность в этот приезд на нас накладывает тот факт, что нынешние гастроли проходят в год ленинского юбилея, в канун 40-летия восстановления Советской власти в Латвии. Нам хорошо известна высказанность латвийских любителей театра, их глубокое понимание театрального искусства. Этому способствовали славные традиции латышского театра, достигшего наивысшего расцвета в годы Советской власти. Ваши театральные коллективы — частые гости в Москве, и мы их хорошо знаем. Такой обмен гастролями способствует обогащению культур братских советских народов. Надеюсь, что наши гастроли в Риге принесут удовлетворение латвийским зрителям.

Интервью провели **А. ВАЛЕНТЕЙ, В. ВАРЛАМОВ.** (ЛАТИНФОРМ — для «СМ»)

Фото Ю. ИКОННИКОВА.